

ЛЕГИТИМНОСТЬ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА *

Б. МЕЛКЕВИК **

В настоящей статье рассматривается проблематика легитимации прав человека. Автор последовательно анализирует три подхода к ее осмыслению: через утверждение прирожденного характера прав человека (религиозный контекст), через отсылку к его моральной природе (метафизика) и через провозглашение прав человека на международном уровне (декларации, принятые после Второй мировой войны). Не отказываясь от дискурсов прошлого, он предлагает способ рассмотрения вопроса о легитимации прав человека, адекватный требованиям юридической современности. По его мнению, вопрос об отношении между правами человека и демократией касается не столько институтов, сколько демократических процессов и способности доверять демократическим умонастроениям людей. На практике это означает реализацию идеи автономного законотворчества граждан и укоренение прав человека в частных контекстах. Под автономным законотворчеством автор подразумевает возможность субъектов права утвердиться реально и взаимно в качестве авторов норм, прав и институтов как юридических, так и политических. Кроме того, права человека нуждаются в приверженности к ним людей, которые должны понять, что права человека имеют к ним непосредственное отношение. В конечном счете, легитимация прав человека на уровне юридической современности связана с преодолением любых дискриминационных и несправедливых контекстов осуществления человеком своих прав. Автор подчеркивает, что конкретные ответы, которые будут даны в отношении вопроса о легитимации прав человека, могут быть разнообразными и связанными с частными контекстами, но существование прав человека всегда следует рассматривать в перспективе запрета дискриминации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: легитимность, права человека, иннеизм, метафизика, декларация, демократический процесс, автономия, законодательство.

Мелкевик Бьярн,
профессор Университета Лаваль
(Квебек, Канада)

* *Melkevik B. Légitimité et droits de l'homme // J. Ferrand & H. Petit (dir.), Enjeux et perspectives des droits de l'homme. L'Odyssée des Droits de l'homme. T. III. Paris, 2003. P. 213–222. — Перевод с французского языка В. А. Токарева (basiletok@gmail.com).*

** Bjarne Melkevik — professor of the Laval University (Quebec, Canada).

E-mail: bjarne.melkevik@fd.ulaval.ca

© Bjarne Melkevik., 2014

© Токарев В. А., перевод на русский язык, 2014

MELKEVIK B. LEGITIMACY AND HUMAN RIGHTS

This article examines the problem of legitimacy of human rights. The author consistently analyses three approaches to its comprehension: through recognition of inborn character of human rights (religious context), through reference to its moral nature (metaphysics) and through proclamation of human rights on the international level (declarations adopted after the Second World War). Without refusing from the past discourses, the author suggests a way to consider the issue regarding legitimacy of human rights, appropriate for the requirements of legal modernity. In his opinion, the question about relations between human rights and democracy concerns not so much institutes as democratic processes and ability to trust the people's democratic state of mind. In practice, it means realization of the idea of the citizen's autonomous lawmaking and establishment of human rights in private contexts. Under autonomous lawmaking the author understands the opportunity of right holders to assert themselves really and mutually as authors of rules, rights and institutes, both legal and political ones. Moreover, human rights need people's commitment; the people should understand that human rights concern them directly. Eventually, legitimacy of human rights on the level of legal modernity is connected with the overcoming of any discriminatory and unjust practices of implementation of human rights by persons. The author emphasizes that specific answers that would be given to the question about legitimacy of human rights may be different and connected with private practices. However, the existence of human rights should always be considered in the perspective of discrimination prohibition.

KEYWORDS: legitimacy, human rights, inneism, metaphysics, declaration, democratic process, autonomy, legislation.

Вопрос о том, как легитимировать права человека, далек от своего решения. Он по-прежнему актуален, и мы можем сказать, что этот вопрос неотвязно преследует нас и нашу юридическую современность вплоть до того, что ставит под сомнение ее основания.

Мы предлагаем поразмышлять над ним, главным образом вписав вопрос о легитимности прав человека в контекст того, что представляет собой для нас юридическая современность, а именно вписать в демократическую концепцию права.¹ Так мы хотим защитить тезис о том, что только демократическая концепция прав, в которую включены права человека в их юридическом смысле, может прояснить их на уровне нашей юридической современности и вместе с тем продуктивно реализоваться в обществах, часто подчиненных различным формам авторитарной гетеронимии. Что касается последнего аспекта, необходимо, прежде всего, помнить о том, что эффективность прав человека не может быть выше той степени приверженности, которую они внушают к себе мужчинам и женщинам и которая подталкивает их к реализации своих прав. Это должно показать нам на предварительной стадии наших размышлений, что отношение между правами человека и демократией не является исключительно вопросом «институтов», но преимущественно вопросом, относящимся к демократическим процессам и нашей общей способности доверять демократическим умонастроениям, которые воплощаются в таких процессах.

¹ Melkevik B. 1) *Horizons de la philosophie du droit*. Paris, 1998 (2004); 2) *Réflexion sur la philosophie du droit*. Paris, 2000; 3) *Rawls ou Habermas: Une question de philosophie du droit*. Québec, 2002.

Две точки зрения противопоставляются на этом фоне: одна обращается к легитимации прав человека в прежнее время, другая — к их легитимации сегодня. И как мы отметили, только последняя представляет, без отказа от дискурса прошлого, адекватный способ рассмотрения вопроса о легитимации прав человека, удовлетворяющий требованиям нашей юридической современности.

Традиционные способы легитимации прав человека. Рассматривая традиционные (и традиционалистские) дискурсы легитимации прав человека, необходимо принимать во внимание то, что, если мы на самом деле можем идентифицировать и разместить каждый из этих дискурсов на точной хронологической шкале, следует иметь в виду, что дискурсы никогда не умирают. Действительно, все дискурсы легитимации остаются активными, что в том числе подтверждается их современными сторонниками. Однако в хронологическом и рациональном плане мы можем провести различие между тремя дискурсами оснований прав человека, а именно между иннеистической, метафизической и «декларационистской» легитимациями.

Прирожденность прав человека. Прежде всего, следует уточнить, что мы будем вести речь об истоках нашей юридической современности, т. е. о периоде с XVI по XVIII в., точнее, о дискурсах прав человека той эпохи. На самом деле, этот период зарождения дискурсов прав человека, как правило, формируется в протестантских контекстах.²

Легитимность прав человека почти для всех мыслителей той эпохи является вопросом, в котором переплетаются протестантизм и метафизическая философия. По сути, права человека понимаются как достояние, обусловленное самим фактом человеческого бытия, как подарок, полученный при рождении, который мы не можем ни обменять, ни передать, и как нагрузка к преимуществу рассматриваться и признаваться в качестве человека. Все это объясняется тем, что человек наделен правами от рождения, что они вписаны в него.

Источник юридического иннеизма находится в Библии. Ее текст надеется в протестантизме значением единственного авторитета в вопросах происхождения и судьбы человека. Обратимся к библейской истории Каина и Авеля. Не вдаваясь в подробности, тем не менее напомним, что Каин оставляет в поле труп убитого им брата. Затем из этой библейской истории мы узнаем о приговоре Бога, или просто о суждении, основанном на опыте взаимоотношений людей с Богом, которое заключается в следующей фразе: «И сделал Господь Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его».

Слово «знамение» приобретает здесь свой полный смысл, поскольку таким образом внутренний закон (*legem internam*) вписывается в саму плоть человека; это закон различения Добра и Зла. Человек как таковой непосредственно наделен правами (и обязанностями) и в особенности природой (правовой) в качестве дара и отличия (знака), полученных им при рождении. Они находят свое выражение в нашей способности различать добро и зло и в нашей «природе», побуждающей нас как род или как движимых «хитростью природы», говоря словами кантианца, основывать наши общества и нашу жизнь на началах добра. Разумеется, к этому добавляется способность, не исключаящая ошибок, судить нас в соответствии

² *Mahn-Lot M.* Bartolomé de las Casas et le droit des indiens. Paris, 1982. — См. также: *André-Vincent Ph.* Bartolomé de Las Casas, prophète du Nouveau Monde. Paris, 1980. Appendice III: «Las Casas et les droits de l'homme». P. 258.

с принципами добра или зла и испытывать чувство вины, когда мы отступаем от добра.

Как правило, все дискурсы прав человека от Гроция до Локка резонируют с этой парадигмой. Тем не менее мы можем остановиться подробнее на концепции Локка, представляющей собой образец юридического иннеизма. Локк утверждает, что в действительности имманентность юридического иннеизма присуща «естественному закону», вписанному в душу, «потому что именно в ней запечатлены (*inscribi*) требования природы и скрыты нормы морали и принципы должного поведения человека; и на основании того факта, что эти принципы одинаковы у всех людей, нельзя считать их авторами никого, кроме Бога и природы. По этой причине внутренний закон (*legem internam*), существование которого часто отрицается из-за пороков, признается сознанием человека, и каждый человек, поступающий вопреки ему, на самом деле подтверждает его».³

Далее, по Локку, природженное право свойственно самой природе человека. Оно является конститутивным элементом его свобод и прерогатив. Это тот же юридический иннеизм, который проявляется во «Втором трактате о гражданском правлении» 1689 г.⁴ и развивается до того, что мы можем назвать юридическим локкианизмом: иными словами, это вера в то, что права человека легитимируются самим фактом человеческого существования.⁵

Метафизическая философия прав человека. Второй дискурс легитимации прав человека, который может быть назван «метафизическим», датируется XVIII и XIX вв. — периодом, отмеченным Американской революцией (1768 г.), затем Французской революцией (1789 г.) и следующими за ней «буржуазными» революциями. Речь идет в некоторой степени о реализации как политического лозунга того, что юридический иннеизм не смог быть сформулирован иначе, чем в терминах достоинства и привилегии человека. Действительно, речь идет о том, чтобы, заменив включение прав человека в его «природу» постулатом истинной «природы» общества, вывести человека (и права человека) из состояния неполноценности. Короче, о том, чтобы метафизически раскрыть включение этих прав в саму «природу» политического общества и рассмотреть провозглашающие права человека декларации, хартии, конституции и т. д. как тексты, выражающие истинную «природу» политических обществ, метафизическую и «юридическую».

Помимо того, что было написано философами,⁶ смысл метафизического открытия прав человека внутри социальной и политической «природы» общности (*Cité*) обнаруживается впоследствии в различных декларациях прав человека. Мы можем констатировать это, обращаясь в первую очередь, к тексту Американской декларации, которая, верная

³ Locke J. *Essays on the Law of Nature*. Oxford, 1954. P. 167.

⁴ Locke J. *Deuxième traité du gouvernement civil*. Paris, 1977. P. 78–83.

⁵ Виргинская декларация прав: «Все люди *по природе* (курсив наш. — Б. М.) являются в равной степени свободными и независимыми и имеют определенные природженные права, которых они, при вступлении в общественное состояние, не могут лишиться себя и своих потомков каким-либо соглашением, а именно: право на жизнь и свободу со средствами приобретения и владения собственностью, право на стремление к счастью и безопасности и их приобретение».

⁶ Worms F. *Droits de l'homme et philosophie*. Une anthologie (1789–1914). Paris, 1993. — См. также: Haarscher G. *Philosophie des droits de l'homme*. 4e éd. Bruxelles, 1993; Barret-Kriegel B. *Les droits de l'homme et le droit naturel*. Paris, 1989; Bourgeois B. *Philosophie et droits de l'homme de Kant à Marx*. Paris, 1990.

юридическому локкианизму, содержит следующую формулировку подлинной «природы» политического общества: «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав людьми учреждаются правительства, черпающие свои законные полномочия из согласия управляемых».⁷

Интересно отметить, что этот «Творец», т. е. христианский Бог, наделил нас в соответствии с нашей «природой» определенными неотчуждаемыми правами. Помимо того факта, что данное положение подтверждает переход от иннеизма к метафизическому позиционированию прав, как мы обнаруживаем в метафизике деклараций той эпохи, мы можем наблюдать, что применяемая логика настаивает на том факте, что правительства являются не чем иным, как гарантами этих естественных прав. Если ссылка на нашего Творца исчезает по идеологическим причинам, которые мы не можем здесь анализировать, то примененная модель, однако, остается. Мы можем подтвердить это, просто процитировав знаменитые вводные слова к французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г.: «Представители французского народа, образовав Национальное собрание и полагая, что невежество, забвение прав человека или пренебрежением ими являются единственной причиной общественных бедствий и испорченности правительств, приняли решение изложить в торжественной Декларации естественные, неотчуждаемые и священные права человека, чтобы эта Декларация, неизменно пребывая перед взором всех членов общественного союза, постоянно напоминала им их права и обязанности».⁸

В общем, права человека представлены как истинная «природа» Республики: или американской, или французской. Следовательно, права человека как таковые не нуждаются в иной легитимации, кроме соответствия указанных республик, тем или иным образом, этой истинной «природе». Политическое общество также не нуждается в других источниках легитимности, кроме полного уважения его прав. Последнее, впрочем, возвращает нас к болезненному вопросу о том, почему права человека были использованы в исторической и философской перспективах как преграды на пути демократии и как ее враги.

Как бы то ни было, с правами человека «природа» общества стала «истинной, поскольку она становится живой в реальном мире».⁹ Следующим этапом должна быть интерпретация этой истинной природы через права человека.

Легитимация международными декларациями. Рассмотрим третий дискурс легитимации прав человека, который является интернационалистским и «декларационистским» в отношении прав человека и формируется в послевоенную эпоху, т. е. с 1944–1945 гг. вплоть до наших дней. Речь идет о показательном смещении вопроса о легитимации прав человека в сторону международной арены, по сути, о парадигматическом развитии государствами-нациями прав человека как обязательства, конечной цели и обещания для них самих (т. е. для этих государств-наций) и для людей, проживающих в них.

⁷ Декларация независимости США (4 июля 1776 г.).

⁸ Декларация прав человека и гражданина (26 августа 1789 г.).

⁹ Hegel G. W. F. *Leçons sur la philosophie de l'histoire*. Paris, 1979. P. 339.

В том, что касается вопроса легитимации, нет необходимости углубляться в семантический анализ разнообразных хартий (к примеру, Устав Организации Объединенных Наций 1945 г.) или деклараций, которые с 1944 г. и по настоящее время питают нашу юридическую реальность. Нам представляется более уместным рассмотреть вопрос об их легитимации с точки зрения их политического генезиса. По сути, если в 1944–1945 гг. мир оставался разделенным, то, тем не менее, вооруженная борьба против гитлеровской Германии и империалистической Японии велась под знаком гуманитарного права (хотя недостаточно оформленного) и прав человека. Это тот политический дух, который конкретизируется во Всеобщей Декларации прав человека 1948 г. как основанный на политическом консенсусе между различными традициями и текстами, имеющими политическую и философскую природу.

В действительности, в той мере, в какой нам известно о переговорах, которые предшествовали принятию Всеобщей декларации прав человека, они показывают нам два специфических процесса примирения в отношении прав человека.¹⁰

Прежде всего, это процесс поиска компромисса между северными странами, в которых сильны протестантские традиции или чувства, и южными странами, в которых сильны католические традиции или чувства. В частности, если первые (т. е. протестантские страны) ценят и ставят во главу угла автономию и свободу, то вторые (католические страны) отдают предпочтение (по причинам, которые мы не можем здесь объяснить) таким концептам, как «человеческое достоинство» или «достоинство личности». Тем не менее в процессе работы над текстом Декларации было достигнуто согласие между этими концепциями, чтобы интегрировать в ее текст и то, и другое мировоззрение. На самом деле, каждый при желании может убедиться в том, что Всеобщая декларация уважает и ценит как автономию, так и достоинство человека.

После этого первого замечания будет значительно проще понять суть поиска компромисса между Западным блоком и бывшими коммунистическими странами в вопросе о понятии прав человека. На самом деле, если мы еще раз внимательно проанализируем процесс выработки текста Всеобщей декларации и достигнутые результаты, то увидим, как более социальная, экономическая или даже (в ряде аспектов) «коллективистская» концепция, поддерживаемая коммунистическим блоком, принимается в сочетании с концепцией, настаивающей на автономии и человеческом достоинстве, поддерживаемой западными странами. На самом деле, права человека были провозглашены не в качестве исключительно абстрактных и формальных свобод, но свобод, непосредственно связанных с положением конкретного человека — человека, живущего в обществе.

Эта политика поиска международного консенсуса определяет в дальнейшем весь процесс принятия нормативных средств, касающихся прав человека, который обычно развивается под эгидой Объединенных Наций. Этот процесс создания международного консенсуса и принятия во внимание частных проблем открыт даже для интеграции в него стран третьего мира, что обусловливает появление других международных инструментов, содействующих реализации прав человека и экономическому росту,

¹⁰ *Morsink J. The Universal Declaration of Human Rights: Origins, Drafting and Intent. Philadelphia, 1999.* — См. также: *Humphrey J. P. Human Rights and the United Nations: A Great Adventure, Transnational. New York, 1984;* французский перевод: *La grande aventure: les Nations Unies et les droits de l'homme. Montréal, 1989.*

неразрывно связанному с ними. Последние десятилетия показали нам, что в процессе развития международных инструментов в области прав человека принимают участие, пусть еще робко и не вполне самостоятельно, неправительственные организации и автохтонные народы.¹¹ Примером служит их участие в разработке Международной организацией труда (МОТ) Конвенции о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах (1989 г.).

«Декларационистская» легитимация инструментов в области прав человека, применяемая на международной арене, несомненно, укрепляет позиции наций-государств, участвовавших в разработке или ратифицировавших эти нормативные инструменты, подобно тому, как они легитимно выражают, что должно считаться сегодня правами человека для всех живущих на этой земле. Как бы ни было, легко оценивать подобные позиции, особенно когда они позволяют правам человека реализоваться в качестве оружия против террора, дискриминации и т. д., тем не менее процесс и сам смысл выработки инструментов в области прав человека свидетельствуют о серьезной проблеме легитимации.

На самом деле, декларационизм наций-государств чаще всего является лишь следствием их внешней политики. Он не представляет зачастую ничего иного, кроме вынужденных обязательств, которые почти или совсем не имеют никаких последствий внутри национальных государственных границ, или семантических упражнений, чтобы продемонстрировать их добрую волю как необходимый козырь в усердном поиске дополнительных «вспомоществований» для их развития. Просто не хватает кое-чего: силы мужчин и женщин, которые могут реализовать права человека и воплотить в жизнь обещания и надежды, связываемые с ними, через демократические процессы. И именно на этом вопросе мы собираемся остановиться подробнее.

Легитимация посредством демократических процессов. Действительно, не отказываясь от наследства, доставшегося от различных форм традиционной легитимации прав человека, мы можем сказать, что сегодня наша задача состоит в том, чтобы разместить и укрепить это наследство внутри демократической концепции права. По сути, необходимо, чтобы отныне ресурсы юридической современности адекватно отвечали на вопрос о легитимности прав человека и, прежде всего, обеспечивали возможность придать им юридическое основание, удовлетворяющее ее требованиям.

Вопрос о юридической современности. Конечно, чтобы удостоверить значимость подобных суждений, необходимо уточнить, что мы понимаем под «юридической современностью». На наш взгляд, вопрос о юридической современности сводится к демократическому автономному законодательству, более точно, к идее автономного законотворчества граждан. Под этим мы подразумеваем идею о том, что субъекты права должны иметь возможность через процесс автономного законотворчества утвердиться реально и взаимно как авторы и законодатели их норм, их прав и их институтов, столь же юридических, сколь и политических. Три вывода могут быть непосредственно сделаны из этого утверждения.

Прежде всего, место растолкования прав (*lieu d'explication des droits*), просто юридических или таких «фундаментальных», как права человека,

¹¹ *Otis G., Melkevik B. Peuples autochtones et normes internationales. Analyse et textes relatifs au régime de protection identitaire des peuples autochtones. Cowansville (Québec), 1996.*

располагается отныне в субъектах права. Вопрос о легитимности фактически сводится прямо к реальной способности субъектов права рассматривать себя в качестве авторов прав, подтверждая и утверждая это. Там, где субъекты права рассматриваются лишенными частично или полностью возможности быть авторами своих прав, мы не имеем ничего иного, кроме несовременных «юридических» систем, очевидно автократических или «идеологических». Там, где субъекты права не имеют возможности быть «авторами» своих «прав», как, например, в религиозных системах с данным в откровении текстом или без него, мы не можем размышлять о «правах» всерьез, не заблуждаясь или не обманываясь на этот счет.

Затем, вопрос о легитимности «не подлежит использованию»! Легитимность прав и прав человека зависит только и исключительно от воли субъектов права, реализации и принятия ими во внимание своих прав. Ответ на вопрос о праве, как и на вопрос о правах человека, в конечном счете, относится к компетенции субъектов права — это им устанавливать, утверждать и упрочивать необходимую взаимность между собой, чтобы легитимировать для себя права человека.

Наконец, идея автономного законодательства заставляет нас обратить внимание на реальный демократический процесс, не идущий окольными путями и не доминирующий, который позволяет субъектам права (являющимся вместе с тем гражданами) концентрировать их энергию в перспективе выбора их норм, их прав и их институтов. Иными словами, эта идея фокусирует наше внимание на общественных пространствах, на автономном формировании индивидуальной и коллективной воли и т. д. и обнаруживает нашу способность демократически принимать на себя ответственность за решение вопросов, относящихся к нормам, «правам» и институтам. Поскольку необходимо учитывать то, что демократия служит «выбору» норм, прав и институтов, которые мы рассматриваем в качестве достойных уважения, из этого следует, что такой «выбор» должен совершаться на глазах у всех.

Таким образом, идея автономного законодательства (в которую мы уже включили вопрос о легитимности прав человека) освобождает вопрос о праве из любого «консервативного» гетто, идет ли речь об институциональном гетто или о власти, в интересах утверждающейся демократической взаимности. Речь идет о такой взаимности, которую мы должны понимать как зависимость от «всеобщего» согласия, т. е. возможность демократическим путем ограничить до известных пределов реализацию институциональных решений или с одинаковым успехом противостоять любой незаконной попытке создавать «право» от нашего имени и без нашего согласия.

Права человека как демократические смыслы. Следовательно, мы можем сослаться здесь на замечание Ю. Хабермаса о том, что «адресаты прав не могут представить самих себя в качестве их авторов, если Законодатель открывает права человека как моральные факты, чтобы затем ограничиться сообщением им позитивного статуса».¹² Вся современная проблематика прав человека содержится в этом замечании, так же как и то, что факт легитимации прав человека, *a contrario*, через демократические процессы, определяющие конкретно субъектов права как их истинных авторов, привлекает внимание к вопросу о правах человека, что, в свою очередь, должно служить укоренению вопроса о правах человека в частных контекстах.

¹² Habermas J. Droit et démocratie. Entre faits et normes. Paris, 1997. P. 485.

С этим первым аспектом проблемы, касающимся того, каким образом обещание автономного законодательства ставит на повестку дня вопрос о правах человека, не стоит терять из виду того факта, что легитимные «сверху» всегда рискует оказаться непродолжительной. Многочисленные опыты последних десятилетий болезненно напоминают нам об этом. В то же время, настойчиво утверждая автономное законодательство, три (или четыре) поколения прав человека¹³ предстают как конфигурации надежд и обещаний, удовлетворяющих требованиям мужчин и женщин по всему миру. Точнее, права человека отвечают надеждам мужчин и женщин, как и их детей, в перспективе построения лучшего будущего. Они напоминают об обстоятельстве, о котором мы так часто забываем, — что можем свободно изменить условия жизни и что любое положение вещей в настоящее время является не отражением нашей участи, но исключительно отправной точкой в создании лучшего мира средствами демократии.

Вопрос о легитимности прав человека, таким образом, конкретизируется в процессе автономного законодательства, привлекая внимание субъектов права к их собственной жизни и к сложившейся в их обществе ситуации. На самом деле, права человека способствуют распространению информации о коррупции, семейственности, систематическом воровстве, пропаганде, дискриминации, исключении, нетерпимости и т. д., усиливая позиции субъектов права в отношении гетерогенных сил. Кроме того, они требуют от субъектов права перестать закрывать глаза на условия жизни их сограждан, идет ли речь о свободах или о благополучии и развитии личности, и получить необходимый объем информации для взаимообязывающей политики прав человека, которая служит утверждению прав человека в качестве семян демократии.

Схожим образом обстоят дела со вторым аспектом, который мы собираемся рассмотреть, а именно с необходимостью укоренения прав человека в частных контекстах. Это объясняется тем, что права человека нуждаются в нашей приверженности и понимании того, что они имеют к нам непосредственное отношение. Такое понимание должно, прежде всего, служить нам для преодоления любых дискриминационных и несправедливых контекстов и для рассмотрения прав человека в их универсальности. Противоположный путь неприемлем только потому, что, желая начать со «святости», мы всегда рискуем слишком поздно увидеть реальные проблемы миллионов и миллионов людей по всему миру.

В самом деле, признание прав человека *hic et nunc* с их эффектами участия, перспективой и целями может наделить субъектов права энергией, необходимой, чтобы работать как социальный и гуманитарный рычаг. Если мы должны восхищаться мужчинами и женщинами, в одиночку взвалившими на себя эту работу, мы также имеем все основания подчеркнуть, что идея автономного законодательства, акцентируя внимание на «демократической взаимности», может конкретизироваться лишь в ассоциациях, группах или «новых движениях». Благодаря идее автономного законодательства развивается и приобретает большее значение гражданское общество, способное брать на себя ответственность за свои структурные элементы. Когда речь идет о свободах, или о благе личности, или об ухудшении экологии, рассмотренные нами выше концепции прав человека так же взаимосвязаны с субъектами права в плане мотивации и вовлечения.

¹³ Haarscher G. Philosophie des droits de l'homme (анализ трех «поколений» прав человека). P. 35–46.

Что касается этих двух аспектов, уточним, что права человека больше не представляют собой абстрактной инстанции политической или юридической справедливости, но в свете идеи автономного демократического законодательства они являются той почвой, на которой мужчины и женщины воспитываются и в равной мере воспитывают друг друга.

Преимущество такого понимания прав человека. Как мы видим, такое понимание легитимности прав человека упрощает критический анализ их потенциальной роли в разнообразных плюралистических обществах и поистине выявляет необоснованность культурологической критики прав человека.

В действительности, различные течения, называемые «культурологической критикой», утверждают, что вопрос о правах человека является не чем иным, как выражением западных ценностей, чуждых или ассиметричных по отношению к различным культурам, которые провозглашают иные ценности. С точки зрения сторонников такой концепции, права человека являются только идеологическими «обманками», призывающими к «формальности» или «универсальности» и, что возмутительнее всего, к «индивидуализму», который даже не скрывается за ними. По их мнению, нам следует рассуждать в духе культурологических концепций прав человека как выражения ценностей культуры и видеть права человека основанными на «азиатских»,¹⁴ «африканских»,¹⁵ «исламских»¹⁶ и т. д. ценностях и выражающими их.

Рассматривая права человека в свете автономного законодательства, мы можем легко обнаружить, что подобные дискурсы представляют собой последнее проявление авторитарных, патерналистских и идеологических дискурсов. На самом деле мы можем констатировать, что они основаны на страхе и ненависти, которые внушает их сторонникам реальная возможность увидеть субъектов права принимающими на себя ответственность за свою жизнь и свое будущее.

Действительно, взгляд на последние три или четыре столетия европейской, североамериканской и австрало-тихоокеанской истории выявляет суть проблемы, которая заключается в том, что права человека подрывают корни фанатизма, фундаментализма, социальных привилегий и иерархий, неравенства и дискриминации, религиозного превосходства и т. д. И мы должны пользоваться тем, что концепт прав человека непосредственно указывает нам на конкретную проблему, так же как парадигма автономного законодательства показывает нам, как распорядиться этим разрушающим эффектом, объединяя субъектов права на началах понимания, мотивации и заинтересованности.

Оглядываясь немного назад, мы можем теперь утверждать, что парадигма автономного законодательства в качестве основания легитимации прав человека совместима со всеми разумными и гуманитарными ресурсами, которые мы находим в культурах и системах ценностей по всему миру. Любой человек, какими бы ни были его место рождения, культурные ориентиры, унаследованные или приобретенные, разделяемые им ценности

¹⁴ Davis M. C. (red.). *Human Rights and Chinese Values: Legal, Philosophical and Political Perspectives*. Oxford, 1995. — См. также: Yasutomo M. (red.). *Law In a Changing World: Asian Alternatives*. Stuttgart, 1998.

¹⁵ Ake C. *The African Context of Human Rights // Africa Today*. 1987. N 34. P. 5.

¹⁶ Mayer A. E. *Current Muslim Thinking in Human Rights // Abdullahi Ahmed An-Na'im, Francis M. Deng (red.), Human Rights in Africa. Cross-Cultural perspectives*. Washington, 1990. P. 133–156 (в особенности: p. 153–155).

т. д., должен одинаковым образом рассматриваться способным принять участие в демократическом процессе вместе с другими субъектами права без какого-либо различения и дискриминации. Конкретные ответы, которые будут даны в отношении прав человека, могут быть достаточно разнообразными и всегда связанными с частными контекстами, но их существование должно рассматриваться в перспективе запрета дискриминации. Поскольку идея прав человека не служит бесстыдным инструментом прикрытия частных интересов, а идея автономного законодательства не должна служить притеснению, постольку мы не можем не приветствовать здоровую конкуренцию, чтобы обнаружить лучший способ установить на благо всем режим прав человека.

Заключение. Права человека, анализируемые в свете нашей юридической современности и, прежде всего, требования автономного законодательства, предоставляют нам возможность подчеркнуть, что реальные и конкретные демократические процессы могли бы, в конце концов, репрезентировать эту почву, эту силу, эту жизненную энергию, необходимые для того, чтобы обратить их одновременно в оплот против их противоположности, бесчеловечности под разными масками, в путеводитель для многих людей. В конечном счете, отношение между нашими текстами, выражающими традиционную легитимацию прав человека, и потребностью в современной легитимации может установиться только через демократические процессы, являющиеся отныне единственным местом легитимности.